

Александр Лекомцев

**Ожидание в
травях густых**

Александр Лекомцев

Ожидание в травах густых

«Автор»

2024

Лекомцев А. Н.

Ожидание в травах густых / А. Н. Лекомцев — «Автор», 2024

Остро чувствуя свой скорый уход из земного мира в иной, незнакомый и, возможно безрадостный, главная героиня повести старушка Хмелева заботится о судьбах тех, кто остаётся в привычной реальности. Но прежде всего её беспокоят неупокоенные души советских солдат, красноармейцев, чьи кости затерялись в земле и в густых травах на месте кровопролитных боёв с фашистами минувшей Великой Отечественной войны. Не каждому человеку, но ведомо, что в бессмертном и вечном Мироздании, живое существо не может превратиться в ничто. А с теми, с кем мы пока разлучены, обязательно встретимся в других обителях. Может быть, и узнаем друг друга.

© Лекомцев А. Н., 2024

© Автор, 2024

Александр Лекомцев

Ожидание в травах густых

Изгиб лесной тропы был облит яркими солнечными лучами. Она, как раз и направлялась туда, где над освещённым травянистым куском широкой стези склонились ветви черёмухи и ольхи. Старая женщина, почти восьмидесятилетняя пенсионерка Ульяна Сидоровна Хмелёва, хоть и ногами еле-еле шевелила, а в тёплое время года в этот ближний лес ходила при любой возможности. А чего бы ни ходить, коли одна осталось.

Муж давно ещё почти молодым умер, а дети разъехались по стране. Не до неё... почти. У них свои семьи, свои заботы. Счастье своё ищут.

Да где же его сейчас-то найдёшь, когда многое в России в частных руках? Что хотят, то и воруют новые бояре. Как они таковыми стали, одному Господу известно. Много их сейчас «шибко крутых миллионщиков», а нищих, обездоленных, бездомных всё больше и больше. Чужие беды, да и Родина, им, вроде как, по боку. Там где большие деньги, там для них и земля кормящая... Неважно, что на чужих бедах и горестях.

Обо всём этом Ульяна Сидоровна уже тысячу раз думала и всё один и тот же вопрос задавала и себе, и Богу: «Почему так?». Ответа нет. А то, что большие чиновники часто телевизору людям обещают, можно в расчёт и не брать. Бабушке Хмелёвой издавна известно: кто много говорит, тому и сказать-то нечего.

В ближнем лесу, расположенного рядом с их небольшим городом Страдовск, когда-то шли кровопролитные бои, в Великую Отечественную войну. До сих пор ржавые каски под деревьями лежат. Понятное дело, землё и травой и людские кости укрыты. Да разве же всех найдёшь и похоронишь по-человечески? Что уж там говорить, почти невозможное дело. Хотя молодые люди, поисковики стараются... Дай-то бог им здоровья.

«В основе своей хорошая у нас молодёжь растёт, – подумала, да и вслух произнесла Хмелёва. – А плохие люди везде, всегда и всюду, во всех концах света имелись. С них, как с козла молока. Они вон сейчас себе дворцов по всему миру понастроили. Не знают, как ещё себя и чем развлечь да порадовать».

Устала чуток Ульяна Сидоровна, на ствол дерева поваленный присела. Платок свой белый, выцветший поправила и корзинку у ног поставила. Решила грибов весенних заодно с прогулкой насобирать – сморчков и строчков. Как раз и одета, можно сказать, по-походному – в штанах брезентовых и куртке такой же, можно сказать, почти военной. Да она почти всегда в этой одежде. В коротких резиновых сапогах.

Они ей достались после смерти соседки, такой же старушки, как и она. Ещё и пальто осеннее и два цветка в горшках. Родственников у той много оказалось, понаехали, всё расхватали... Не то, что бы друг другу в глотки цеплялись при делёжке кое-каких сбережений и ветхих вещей, но претензии каждый каждому выразал.

Вот Хмелёва теперь в сапогах покойной, не в совсем новых, но, вполне, нормальных. А куда наряжаться и кого радовать? Да и было бы, во что. Хоть пенсия у неё более, чем у других, из-за возраста уже солидного, но всё одно – на такое пособие шибко не разгонишься. Это иному чиновнику или депутату на один день, и то – на конфеты. Про разных слишком заметных бизнесменов и говорить нечего... Одним словом, чем проще – тем лучше. В однокомнатной квартире, где проживает, кроме кота и старого телевизора и совсем древнего холодильника, никого и ничего нет. Они-то всё видят и понимают...

Не просто так полегли костями молодые ребята и девчата. Наверное, верили в счастливую и безбедную жизнь своих внуков и правнуков. Но мечта – это одно, а реальность – совсем другое... Тут в последние двадцать-тридцать лет несоответствие какое-то происходит. Хочешь – не хочешь, а в нечистую силу поверишь. А ведь ранее в возможность её существования Хмельёва сомневалась.

Когда молодой и крепкой была и трудилась на местном предприятии по производству и переработке молочных продуктов. Да не так давно это и было. Но завода уже этого и в помине нет... Склады остались. Кто-то удачливый купил все здания, этак, запросто, как банку консервированных бычков в томате. Но она и сейчас относительно бодрa, сухопара... Правда, не такая стройная, жизнь и время согнули, сгорбили.

А в Бога-то Ульяна всегда верила. В церковь, надо признаться, редко ходила. Ведь Господь – это, как раз, то вечное, что внутри человека находится и вокруг него. В общем, она веру в Великое и Доброе по-своему понимала. Всевышний её за это не осудит. А если что-то не очень доброе наставительно произнесёт по этому поводу кто-нибудь из тех господ и дам, кто объявил себя посредником между ней и Богом, так и пусть. Ведь не в них же она верит, чрезмерно процветающих, а в Господа.

Да и в лесу этом только ему, единому и единственному, и молится на костях убиенных людей. Это для Ульяны святые мощи и есть. Пусть землёй и травой они укрыты, а ведь существуют. Никуда не делись.

Издали она заметила фигуру высокорослого человека, встала и пошла к нему навстречу. Уже вблизи разглядела, как смогла, его солдатскую каску, плащ-палатку защитного цвета на плечах, гимнастёрку, брюки, сапоги... Обмундирование на молодом человеке было далеко не новым, какое-то выцветшее, с пятнами на нем засохшей грязи. Да и каска – чуть помятая, местами и ржавая.

Хмельёва подходила к нему все ближе и ближе и уже с интересом разглядывала его молодое, смуглое лицо. Худое, немного удлиненное, с большим прямым носом, с серыми глазами... Впрочем, она не впервые видела подобное в этих местах. Этот солдат – один из не погребённых, явившаяся к ней из далёкого прошлого в виде чёткого призрака. Он не смотрел не на старушку, а куда-то, в сторону от тропы, в самую гущу зарослей малины. Что там видел солдат, непонятно. Взгляд его показался Ульяне Сидоровне не только спокойным, но и... бесстрастным.

Её ведь, наверняка, он заметил, но не выражал никаких эмоций, как будто не он, а пожилая женщина с корзинкой, явление потустороннее. Скорей всего, красноармеец (или его проекция из иного мира) посчитал Хмельёву за одно из множества родов и видов привидений или фантомов.

Но Ульяну Сидоровну такое отношение к ней не смутило: люди ведь разные и характеры их тоже. Да и она понимала, что не всё так просто в нашем запутанном и не совсем однозначном мире.

Дойти Ульяне оставалось до него, каких-нибудь, пять-семь метров. Она уже собиралась поприветствовать молодого воина, как он, в буквальном смысле слова, растаял у неё на глазах. Что это? Галлюцинация. Какая разница? Было ведь. Старушка не страдала никакими психическими заболеваниями, хотя почти все, кто её знал и с ней общался, считали по-другому. Странная какая-то. Что-то постоянно бормочет и молиться ходит не в церковь, а сюда, в ближний лес. При этом называет кости погибших воинов, которых и не видела, святыми мощами.

Ей грамотный и сообразительный двадцатилетний студент Лешка Нохин спокойно и расчётливо объяснил, что солдат времён Великой Отечественной войны в этих местах многие

видят. Никакой здесь не мираж, а самая настоящая реальность. Ещё Нохин, добрый и весёлый пацан, объяснил бабке, что подобные феномены пытается объяснить ортодоксальная наука.

– Но все их серьёзные высказывания, Ульяна Сидоровна, в последнее время, – определенно и саркастично заметил Нохин, – детский лепет, особенно, на подобные темы. Эти, так называемые, миражи – самая настоящая диффузия сопутствующих друг другу миров, взаимопроникновение.

– Вот видишь, Алексей, ты мне всё по-научному и объяснил, – облечённо вздохнула Хмельёва. – Правда, я в этом ничего не понимаю. А то ведь меня некоторые выжившей из ума считают. Оно ведь получается, что я... нормальная.

– Стадо баранов блеет, Ульяна Сидоровна. Так всегда было и будет. Только дурак спорит с каждым из них.

– Так я, Лёша, и не спорю ни с людьми, ни с баранами. Пусть считают, как им нравится. Я, всё одно, при своих мыслях останусь. С тобой только вот на важные темы и разговариваю. Ты умный, честный и... человек. Даже частенько и продукты мне покупаешь, правда, я сама бы могла.

– Да что мне трудно, что ли? А на плоскоголовых не стоит реагировать. Они – продукт тупой телевизионной рекламы и прочего бреда. На земном шаре, в фермерских хозяйствах, к примеру, в клетках сидят сотни миллионов кроликов, и они, наверняка, считают себя свободными и разумными.

– Про кроликов я ничего не знала, Лёша. Ты очень мыслящий парень. Другим ни чета.

На большой поляне, среди бугров, заросших молодыми побегими исландского папоротника и орляка, она увидела множество жёлтых и коричневых, морщинистых и волнообразных грибных шляпок. Собрала сморчки в корзинку, почти половину её заполнила.

Если их два раза отварить и отжать, а потом и картошкой пожарить, то нормальная еда получается. Всё к пенсии – приварок, некоторое подспорье. Да и заработки у людей в стране нынче такие, что даже у ярых заокеанских и европейских русофобов на глаза слёзы наплывают... Не звери ведь, потому даже и людям «третьего сорта» сочувствуют.

Видно, что-то в природе не совсем ладное происходит. Вон и по телевизору показывали, как очень большой чиновник в тувинских горах брусничку кушал. Собирать не стал впрок. Да оно и понятно. Может, боли в пояснице от постоянной, тяжёлой работы не дали пару ведёр мужику на чёрный день заготовить. А вот грибочек сорвал и, видать, в сумочку свою и спрятал. Всё верно. Приедет в столицу с капустой и скушает. Сейчас многим тяжёло...

Может, и у него не всё в жизни сладко. Чиновники ведь разные бывают, есть и честные... А кризис уже почти третье десятилетие идёт. Инопланетяне пакостят. Ведь больше-то и некому. Но они не всем вредят. Некоторым материально здорово помогают и, возможно, скрытно и воровать народное добро помогают.

Обо всём этом старушка и думала, сидя на бугре, почти в том месте, где так и не состоялся её разговор с... неизвестным солдатом, который ей привиделся. Нет же, не привиделся. Хмельёва его чётко... наблюдала, как собственные руки. Уже таким он точно и был при земной жизни... Сейчас, наверное, совсем другой и в ином мире. Может, и здесь задержался и духом стал...

Она уже давно не удивлялась тому, что вокруг происходило. Подобное Хмельёвой приходилось видеть и много раз. Когда здесь появлялась, то, казалось ей, чувствовала, как сквозь резиновые подошвы обжигает её ступни земля лесная. Какая же сила таится в не погребённых костях, спрятанных навечно под густой травой и мхами.

Бабушка эта, конечно же, не могла знать и даже предполагать, что ничего мёртвого в великом бесконечном мироздании не существует, как нет прошлого и будущего... Всё это было ей без разницы. Предчувствовала всем нутром своим, что за гробом должна быть какая-то жизнь. Для неё традиционная и не очень теософия, как и вся философия, были полным мраком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.